

ГРАВЮРА В СССР

Мало найдётся в истории мирового искусства примеров гравюрного ренессанса, сопоставимых с той невероятной, небывалой гравюрной эмиссией, которую осуществило советское искусство в короткие, чуть более 70 лет своего существования.

Истории мировой печатной графики более тысячи лет, но в массовом сознании особенно выделяются в общем гравюрном континууме лишь некоторые эпохи-вспышки, которые действительно выдали самые настоящие гравюрные миры, потрясающие символические универсумы, контентные вселенные, которые были доставлены до весьма внушительной публики посредством такого логистического канала, как гравюра. В истории мировых визуальных искусств было несколько таких вспышек, опознаваемых широкими кругами любителей печатной графики:

— *ренессансная северо-европейская гравюра по дереву, ксилография, плавно перетекавшая в свой короткий и яркий маниеристский период, выдвинувшая такие имена, как Альбрехт Дюрер, Лука Лейденский и множество других авторов;*

СОВЕТСКОЙ ГРАВЮРЕ присущи все родовые черты, свойственные советским визуальным искусствам. Совгравюра — это, пожалуй, та капля, в которой наиболее отчётливо и ярко отразилось всё самое главное, что было присуще советскому искусству:

Невероятное количество имён художников! Счёт идет на тысячи. Причем это — без учёта "наивных" художников. Речь идёт об абсолютно профессиональных авторах, которые не опускались ниже определённой планки художественного качества и творческой состоятельности. Повторюсь, в советской гравюре отражена невероятная, аномальная для истории мирового (да и советского) визуального искусства "многолюдность" профессиональных художников.

Эта особенность советской гравюры почти эталонно и неразрешимо ставит проблему иерархизации этой отрасли, определения сонма великих. Их так много, что пока не очень понятно, как строить такие пирамиды, которые, конечно же, необходимы для эргономики и навигации в этом невероятном визуальном океане. Приходится иметь дело со статистическими рядами. Чтобы сделать интеллектуально и эстетически честную и непредвзятую оценку, нужно хотя бы всё сделанное посмотреть. Само насматривание советской гравюры — это уже целая работа. Все предыдущие попытки иерархизации советского искусства нужно рассматривать скорее как памятники своему времени. Уверен, у нас впереди большая переоценка, большая ревизия. Кому-то она, возможно, покажется искусствоведческой революцией.

В советской гравюре ясно прослеживается, отражается региональное измерение. Только в

— *европейский офорт XVII века — прежде всего, Рембрандт и его школа, хотя не стоит забывать и о великом итальянце, Джованни Бенедетто Кастильоне;*
— *английское меццо-тинто XVIII века, поднявшееся до фотографических высот в отображении реальности;*
— *печатная графика немецкого экспрессионизма, выдавшая целый каскад художнических индивидуальностей;*
— *японская гравюра XVII-XX вв. — прекрасный цветок мировой печатной графики.*

Несомненно, в этот блистательный ряд должна войти и советская гравюра — как удивительный художественный феномен, который ещё только ждёт пристального изучения. Сегодня идеальное время для индуктивного подхода — быть может, экстенсивного, но и пристального насматривания и рассматривания огромного массива уже опубликованных отечественными музеями образчиков советской гравюры. Сегодня очень важно без предзнаний и пред-убеждений (насколько это возможно) максимально использовать потенциал искусствоведческой индукции, погружения в огромный и "сносящий голову" поток высочайшего искусства.

В советской гравюре получили своё отражение практически все значимые художественные течения в истории советских визуальных искусств: от ленинградской пейзажной школы (ленинградского марксизма) до позднесоветского гиперреализма.

На примере советской гравюры можно проследить основные макрорэзалы, через которые прошла история советских визуальных искусств. Я понимаю, что такая этапизация условна, но вполне операциональна и помогает хоть как-то обнять и упорядочить для себя это неисчислимое множество:

— *пост-авангард*, как функциональный, так и самовыраженческий;
— *советский Большой стиль и советский же бидермайер;*
— *пост-сталинский шестидесятический неореализм*, поэтический и склонный к почти дизайновым обобщениям и кодификациям;
— *поздне-советский маньеризм*, который отчётливо прослеживается в 70-е и 80-е годы.

История советской гравюры — это ещё и история технологических новаций в области печатной графики, о чём у нас сейчас почти не пишут, но здесь было множество изобретений и усовершенствований.

МОЖНО ВЫДЕЛИТЬ ещё несколько важных моментов связанных с советской гравюрой. Например, абсолютное снятие гендерной проблемы. История советской гравюры буквально переполнена именами большого таланта художниц. Если угодно, можно говорить об очень женской нотке в истории советской гравюры.

Невероятный пример буквального исчерпания пост-квадратных возможностей фигуративного искусства по всем параметрам: формальным, тематическим. Прежде всего — по многотемью. По сути, советская гравюра провела почти статистического качества художественную опись советской цивилизации во всех её проявлениях: жизни людей от рождения до смерти, их будней и праздников в разных регионах, "от Калининграда до Владивостока" и "от Таймыра до Кушки"; природного и вечно мира, города и деревни, школы и армии, промышленности и сельского хозяйства, строительства и транспорта, науки и спорта. И во всех её эпохах: гражданской войны и нэпа, коллективизации и индустриализации, Великой Отечественной войны и послевоенной экономики, освоения целины и прорыва в космос, и дальше, вплоть до краха СССР...

Советская гравюра просто тотальна. Не знаю, можно ли повторить где-либо и когда-либо в истории мирового искусства такую феноменальную "гравюрную опись" целой цивилизации, мировой сверхдержавы во всей её сложности.

Нельзя не отметить не только невероятную интенсивность, но и экстенсивность совгравюры. В этом смысле, совгравюра — настоящий вызов для современного, цезаристского по природе своей, искусствоведения.

Советская гравюра представляет собой также пример выстраивания и относительно длительного существования вполне легального символического рынка. После войны советское государство осознанно выстраивало рынок по продаже и покупке эстампов, гравюр. Это интересный пример истории советской художественной промышленности, пока у нас должным образом не описанный и не изученный.

Советская гравюра выдала вершинные примеры легитимного функционального искусства. И агитационного — в том числе. Выкажу даже такую "крамольную" мысль: часто заказная, функциональная гравюра в творческом наследии какого-либо автора выглядит гораздо интереснее, ценнее, чем те работы, в которых авторы как бы играют в реализацию своей творческой индивидуальности. Уж простите! И есть авторы, в творческом наследии которых отчётливо различаются два потока: "для себя и про себя"/"для других и про других".

Советская гравюра представляет бесценный материал для изучения Советского государства как сверх-зрителя, идеального потребителя символического продукта. Это было какое-то удивительное явление! Государство создало удивительную ситуацию, в которой стало возможным сосущество-

вание просто огромного числа профессиональных художников-графиков. И оно не только их кормило, но и пребывало с ними в каком-то удивительном, невероятном диалоге. Только идиоты или ангажированные негодяи могут сводить этот диалог к таким дурацким метафорам, как "цензура".

Совгравюра — яркий, почти эталонный пример русско-советского континуума в искусстве, перетекания русского-досоветского искусства в советское. Биографические и творческие траектории Анны Осстроумовой-Лебедевой, Ивана Павлова и многих других художников — яркие тому примеры.

Лично для меня очевидно, без малейшей иронии, всемирно-историческое значение советской гравюры. Я верю в то, что со временем она займёт свое законное и почётное место в крупнейших мировых музеях. Но прежде, чем это случится, нам самим необходимо сформировать внутренний рынок совгравюры. А он пока крайне слаб и кустарен. На удивление, у нас очень немного антикваров, торгующих советской гравюрой, и коллекционеров советской гравюры. А ведь можно вполне обеспечить и ликвидность, и оборачиваемость, и доступность тиражной, всё-таки не уникальной, печатной графики.

Пока ещё не столь слышен голос наследников советских печатных графиков. Есть прекрасные исключения. Но их очень мало. Мне приходилось сталкиваться с примерами того, как наследники очень достойных авторов даже не понимали значимость того, что делали их деды и бабушки. Это прискорбно. Хочется призвать наследников ценить и хранить оставленное их родственниками. Не все могут продвинуть их наследие, но хотя бы храните! Храните также и материалы по биографии авторов. Это очень важно для будущих исследователей. Сейчас нередко встречаются случаи, когда мы пока не знаем даты смерти многих советских художников-графиков. А они, к сожалению, уходят от нас.

Всё описанное мною не касается таких явлений, как советская книжная иллюстрация и экслибрис. Это отдельные темы-океаны, темы-вселенные, о которых необходимо говорить отдельно.

Странно, что наши вузовские искусствоведы почти не изучают советскую гравюру, а государство не формирует заказ на такие исследования.

Если по-хорошему, по уму, то нам просто необходим отдельный исследовательский институт, который занимался бы изучением и публикацией советской печатной графики. Лет на сто работы ему точно хватит. Но пока это всего лишь пустые мечтания...

Евгений ФАТЕЕВ

Зимний день (1964). Художник Андрей УШИН.

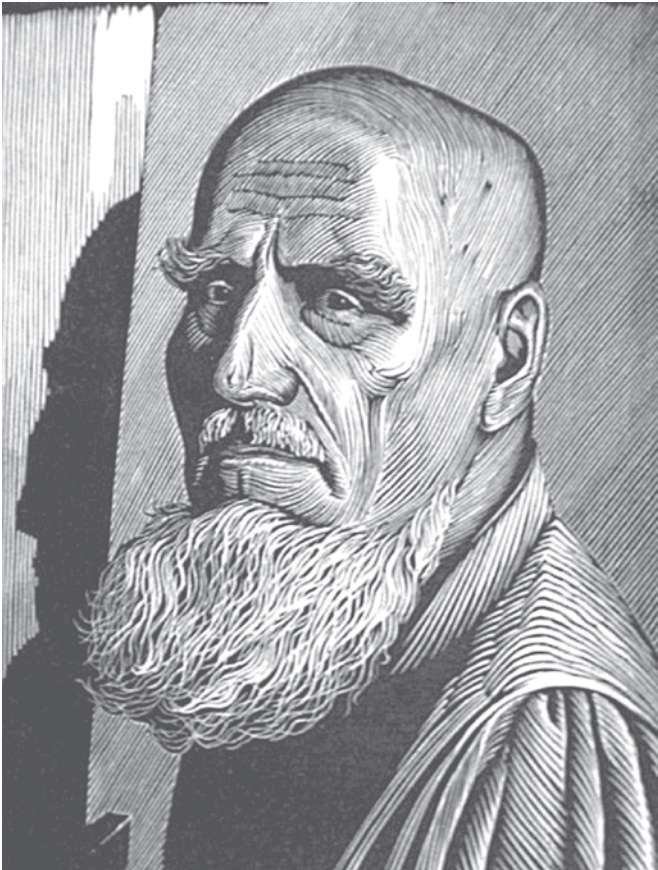
Первый день стройки (1967). Художник Павел ЯКУШЕВ.

Пути (1960). Художник Андрей УШИН.

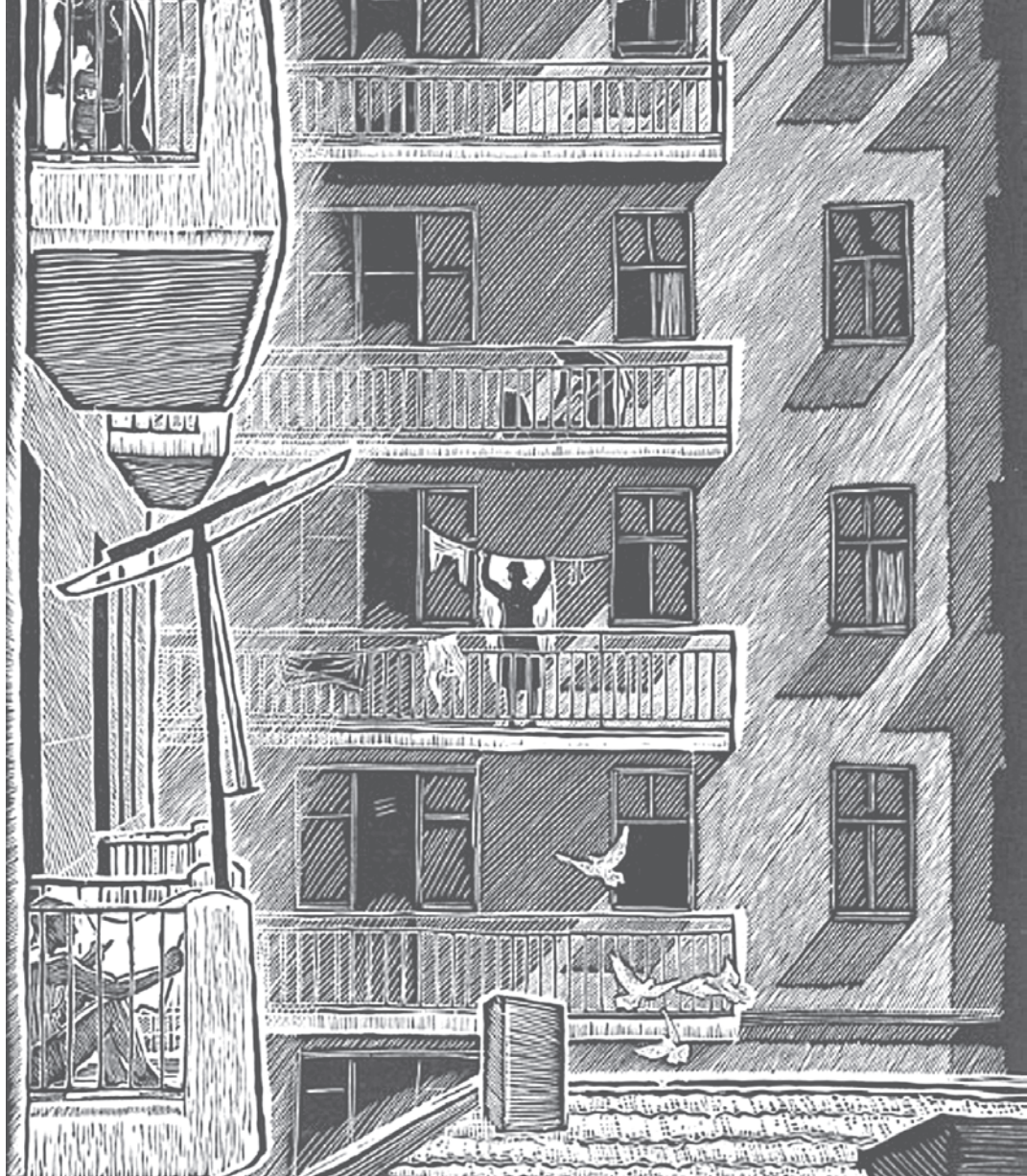
Северная ночь (1966). Художник Андрей УШИН.

Портрет художника Дмитрия Цупа (1983). Художник Александр ДУРАНДИН.

Лето в разгаре (1983). Художник Дмитрий ЦУП.

Балконы (1961). Художник Гурий ЗАХАРОВ.